

Ася АЗАРОВА

ВЕРЕСКОВЫЙ
ДЕД

Ася Азарова

Вересковый Лед

«Литнет»

2026

Азарова А.

Вересковый Лед / А. Азарова — «Литнет», 2026

Фрея должна была стать женой прославленного воина, Ястреба Севера, а её отдают в жены богатому старику. Но она не станет покорно ждать и станет хозяйкой своей судьбы. Подняв меч и взяв в союзники врага своего клана, она встаёт на пути древнего зла. Их путь к свободе труден и опасен. И тот, кто был её врагом, станет её щитом. Но что их ждёт? Северная валькирия и гордый шотландец. Их враги сильны, но их чувства друг к другу сильнее! Она-предана женихом и продана в жены старику.*#Он - горец, пленник северного клана. Вместе им предстоит сражаться. Это история о выборе, который важнее долга, и о доверии, которое сильнее мести. Счастливый финал - ОБЯЗАТЕЛЕН! Книгу можно читать отдельно от других историй из этой серии. «Белая Ведьма для Ястреба Севера» - «Ястреб Севера и Наследница Ночи» - История выходит в рамках ЛИТМОБА БОЕВАЯ ГЕРОИНЯ

© Азарова А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	12
Глава 4.	16
Глава 5.	21
Глава 6.	25
Глава 7.	29
Глава 8.	32
Глава 9.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1.

За окном неспешно падал снег. Он затягивал мир холодной белой пеленой. В кабинете отца было тепло, но тепло это было колючим и тяжелым словно шерстяное одеяло. Тишину нарушал лишь треск поленьев в огромном камине. Каменные стены поглощали звук, оставляя только тихое потрескивание пламени да скрип пергамента.

Фрея стояла перед массивным дубовым столом, не сводя глаз с отца. Лорд Ярн Сведсон не смотрел на нее. Он изучал разложенную на столе карту, его грубый палец водил вдоль границ их владений — Холдгарда и земель ярла Драго.

— Отец...

Он промычал что-то в ответ, не отрываясь от карты.

— Я не пойду замуж за Драго.

Теперь он все же поднял голову. Его лицо, изборожденное шрамами и морщинами, как старая кора, не выразило ни гнева, ни удивления. Только усталое терпение.

— Не пойдешь? — переспросил он, будто услышал эту фразу из уст дочери впервые. Что было неправдой.

— Нет. Он даже старше тебя. У него гнилые зубы, и от него пахнет, как от старого медведя в берлоге. Его три первые жены умерли. Ни одна — своей смертью.

— Они дали ему сыновей. Ты же слышала новости из столицы? Твой Ястреб Севера объявлен предателем. Конунг грозит отрубить ему голову. Я не желаю своей дочери участи опозоренной невесты. Ты выйдешь замуж за ярла Драго. Ты дашь нашему клану такой необходимый союз. — Ярн откинулся на резной стул, сложив руки на груди. — Его люди стоят на границе с Мрачным Лесом. Там сейчас неспокойно. Три сотни его воинов — это три сотни щитов между нами и тем, что там обитает.

Фрея сжала зубы. Мысли о том, что Рейдена могут казнить, ужаснула ее. Могучий воин. Обещанный жених. Она ждала его так долго. И вот теперь стать женой старика?!

Она шагнула вперед и уперлась ладонями в холодный дуб стола.

— Я не верю в эти рассказы. Их распускают те, кто завидует славе Рейдена. Конунг во всем разберётся. Уверена. Но ты упомянул о Пожирателях Ночи? Я читала свитки в твоей библиотеке. Квиркульвы. Драго с его жадными ворами эти тени не остановят. Они пожрут и его, и его людей, и его щиты. Единственное, что их держит — это старые рунные камни на границе, а не его жалкая стража!

Она видела, как глаза отца сузились. Потому как знала, что он ненавидел, когда она копалась в его архивах. Ненавидел ее «книжную мудрость».

— Свитки, — прорычал он, — написаны монахами и старыми девами, которым мерещились тени в долгую зиму. Драго дает триста живых мечей. Твои сказки нам выжить не помогут, Фрея. Так что выбор прост.

— Выбор? — Голос Фреи дал трещину, но она не опустила глаз. — Какой выбор? Мне его не давали.

— Выбор дают детям и дуракам, — холодно отрезал Ярн. — Тебе дают долг. Ты — дочь Холдгарда. Твоя кровь — наше золото. Твой брак — наш щит. Благодаря этому щиту твои братья, твои люди, старики и дети в наших долинах будут спать спокойно. Или ты хочешь, чтобы их души забрали твои «Пожиратели»?

Он встал, и его тень накрыла ее. Он был громаден, как скала.

— Через две недели приедет Драго. Через три — свадьба. Готовь приданое. И выбрось из головы эти глупости. Мое слово в этом доме — закон.

Он снова повернулся к карте, закончив разговор. Фрея стояла, чувствуя, как лед сковывает ее изнутри. Не страх. Гнев. Беспомощный, всепоглощающий гнев.

Она развернулась и вышла, не сказав больше ни слова. Тяжелая дубовая дверь захлопнулась за ней с глухим стуком.

Тем же вечером большой зал Холдгарда гудел, как улей. Дым от очага стлался под потолком, окрашенный в багряные тона пламени. Воздух был густым от запаха меда, жареной баранины и пота. На резных скамьях вдоль стен пировали дружинники лорда Ярн. Они гоготали над шутками, стучали деревянными кубками, кидали кости на стол.

Фрея спустилась по боковой лестнице, желая проскользнуть к своим покоям незамеченной. Она ненавидела это время года. Походы заканчивались приходом зимы. С запада вернулся последний караван и воины, отличившиеся в боях, имели право пировать в главном зале Холдгарда. Взгляд Фреи скользнул по залу, и задержался у входа.

Стражники как раз вводили новую партию пленников. Человек десять. Они были в обрыванной одежде, многие — ранены. Они были измотаны голодом и долгой дорогой. Сегодня это были шотландцы с далеких островов — люди с рыжими и темными волосами, с татуировками на голых плечах. Их то и пригнали после последнего набега. Теперь придется ждать весны и посылать за выкупом.

Дружинники встретили их улюлюканьем и гоготом. Кто-то швырнул в них обглоданной костью. Пленники шли, опустив головы, покорно, как скот. Все, кроме одного. ((**Промокод - AVTOR10**)

Он шел последним. Высокий, на голову выше остальных, даже сгорбленный от усталости. Его темные волосы, спутанные и грязные, падали на лицо. Но он не опустил головы. Он смотрел вперед, прямо на помост, где восседал лорд Ярн. И в его глазах, цвет которых нельзя было разобрать в дыму и полумраке, горел не страх, а живой огонь. Всем своим видом он бросал вызов.

Фрея замерла. Ее взгляд зацепился за него.

“Жаль, дурака. Склонил бы голову, не получал бы столько ударов плетью” - подумала она, разглядывая иссеченные плечи пленника.

Стражник грубо толкнул высокого пленника дубинкой в спину, заставляя его встать на колени вместе с остальными. Тот споткнулся, но почти сразу выпрямился снова, не опускаясь на колени полностью.

— Упрямая скотина, — усмехнулся один из дружинников, подходя ближе. — Надо сломать ему ноги, тогда научится кланяться.

Лорд Ярн с высоты своего места махнул рукой.

— Отведите их в яму. Откормить. Сила еще понадобится. На каменоломнях.

Пленников стали поднимать и уводить в боковой проход, ведущий в подземелья. Высокий шотландец как раз проходил мимо того места, где стояла Фрея.

И в этот момент он повернул голову.

Их взгляды встретились.

Его глаза оказались зелеными. Цвета весеннего мха, пробивающегося из-под снега. Но в них не было жизни. В них была пустота. Но в самой глубине этой обманчивой пустоты — та же ярость, что кипела в ней самой еще сегодня днем после разговора с отцом. Ярость пойманного зверя, которому нечего терять.

Он посмотрел на нее. На ее чистые, расшитые серебром одежды. На ее ухоженные руки. На ее лицо, не знавшее голода и побоев. И в его взгляде было столько немого, уничтожающего презрения, что у Фреи перехватило дыхание.

Он видел не ее. Он видел дочь своего тюремщика. Он презирал ее так же, как она презирала ярла Драго.

И самое ужасное — он был прав.

Презрение воина было осязаемо. Его можно было потрогать рукой. Она почувствовала, как кровь приливает к щекам. Она хотела отвернуться, отступить, но ее ноги словно вросли в пол.

На мгновение они замерли — северная дева в сине-серебряных шелках и грязный, закованный в цепи пленник с глазами цвета ранней травы.

Но это был всего лишь миг. Стражник дернул за цепь, и пленник, споткнувшись, пошел дальше, скрывшись в темном проеме коридора.

Шум зала вернулся к Фрей, оглушительный и бессмысленный. Она обернулась и быстро пошла к своей башне. Фрея почти побежала. И кровь стучала в ее висках.

Она вбежала в свои покои, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, закрыв глаза. Перед ней все еще стояло это лицо. Эти зеленые глаза.

«Ты — дочь Холдгарда. Твоя кровь — наше золото».

Слова отца звенели в ушах.

Она подошла к узкому окну, сжала руками холодный каменный подоконник. Снег все падал, заваливая двор, конюшни, стены. За стенами лежал мир, огромный и безразличный. Мир, где ее жених стал жертвой трусливых наветов недругов. Мир, где отцы продавали дочерей за три сотни щитов. Мир, где пленники смотрели на тебя так, словно это ты - грязь под ногами.

Она разжала ладонь. На ней отпечатались неровности камня. Ее долг. Ее кровь. Ее щит.

И где-то внизу, в каменной яме, человек, потерявший и свободу и смысл жить дальше.

Фрея распахнула окно и глубоко вдохнула. Ледяной воздух обжег щеки. Она медленно выдохнула и в воздухе образовалось облачко пара.

Она посмотрела на заснеженный лес, и в ее сердце зажглась надежда. Она еще не до конца понимала на что. Но она знала одно. Она только что встретила человека, ненавидящего ее отца и этот мир Холдгарда. И он прошел путь от моря до их земель. И он сможет пройти его обратно...

Она найдет Рейдена и докажет, что он невиновен. Она не будет заложницей своего клана.

Она дочь лорда и конунгобязан будет прислушаться к ее словам.

Но если дочь лорда презирает даже раб, кто же она тогда?

Дорогие читатели! Рада приветствовать вас в новой истории! Не забудьте поставить сердечко нашей новой героине :) и подписаться на автора, чтобы не пропустить уведомления о скидках и других новостях.

История Фрей обещает быть горячей! Это то, что нам всем нужно, чтобы согреться этой холодной зимой.

А другие истории про Ястреба Севера и его Белую Ведьму, вы можете прочесть здесь. Жду вас!

<https://litnet.com/shrt/D9j9>

Глава 2.

Зал для пиров в Холдгарде был большим. Деревянные балки под потолком, почерневшие от столетней копоти, были покрыты резьбой — драконы, змеи, сцены битв. Вдоль стен, на каменном полу, горели очажные ямы. Пламя лизало воздух, отбрасывая гигантские, пляшущие тени. Сегодня огни горели ярко. Был праздник, или то, что норманны называли праздником — приезд важного гостя.

Ярл Драго сидел по правую руку от лорда Ярн на высоком резном стуле. Он не был дряхлым стариком. Он был сух, как вяленая оленина, и казался собранным из сухожилий и старой кожи. Его борода, седая и редкая, была заплетена в две тонкие, жалкие косы. Но глаза — маленькие, глубоко посаженные, цвета мутного льда — смотрели быстро и цепко, все замечая, все оценивая. Его пальцы, украшенные тяжелыми серебряными перстнями, постукивали по ручке стула.

— Хороший улов, Ярн, — проскрипел Драго, указывая подбородком в сторону зарешеченного проема у стены, откуда доносился звон цепей. — Жирные южные овцы. Много шерсти с них сострижешь.

— Сила еще нужна на каменоломнях. Требовать выкуп с их не буду. — отозвался лорд Ярн, отхлебывая из кубка. — Зима будет долгой. Нужно укреплять восточную стену.

— Камни может таскать и скот. А из таких... — Драго ухмыльнулся, обнажив почерневшие, редкие зубы, — можно сделать зрелище. Чтобы твои воины не засыпали от скуки долгими ночами.

По его кивку один из его людей вышел на свободное пространство перед помостом. Это был огромный детина с обритой головой, медным обручем на шее и щитом за спиной — воин Драго, его чемпион ямы.

— Борг! — крикнул ярл. — Покажи нашим друзьям, как мы разминаем кости в Кальсторне!

Стражники притащили из проема двоих пленников. Шотландцев. Они были худы, испуганы, глаза их бегали по залу, заполненному враждебными лицами. Борг снял с плеч дубовый щит, поднял с пола тупой тренировочный меч. Ему бросили такое же оружие как и пленникам. Один из них уронил свой меч, потому как руки его дрожали.

Борг глянул на своего хозяина и получив едва заметный кивок, рванул вперед. Это была не битва, а избиение. Он бил щитом, сбивая с ног, тупым мечом ломал ребра. Зал ревел от восторга. Через несколько минут оба шотландца лежали в лужах собственной крови, не в силах подняться.

Ярл Драго хлопал в ладоши от радости и подбадривая своего воина.

— Славно! Но где настоящие воины? Говорят, ты взял в плен горных волков, Ярн. Не этих шавок.

Лорд Ярн нахмурился. Ему не нравился тон гостя. Но он кивнул Эйвинду. Старший сын что-то крикнул стражникам.

Из темноты проема вытолкнули троих. Одним из них был рослый шотландец.

Он вышел вперед, и зал на мгновение притих. Он был на голову выше Борга. Цепи с него сняли, оставив только кандалы на ногах, соединенные короткой цепью. Он был грязен, в кровоподтеках, но стоял прямо и дышал ровно и глубоко. Его зеленые глаза осмотрели зал, остановились на Борге, потом на Драго и Ярне. В них не было страха. Была холодная, животная ненависть.

Его соплеменники выглядели не лучше первых двоих, один даже покачивался от слабости.

— Трое на одного! — объявил Эйвинд, желая угодить гостю. — Пусть ярл видит, как нормандские волки давят чужих псов!

Фрея сидела на своем месте среди женщин, чуть в стороне от главного стола. Она держала в руках кубок, но не пила. Ее взгляд был прикован к высокому пленнику. Она видела, как напряглись его плечи, когда он понял, что от него хотят.

Борг, уверенный в себе, снова ринулся в атаку. Он выбрал самого слабого, того, что раскачивался. Удар щитом — и тот упал навзничь.

Шотландец не бросился ему на помощь. Он сделал шаг в сторону, уводя за собой второго пленника. Его глаза метнулись к оружию на стенах, к расположению стражников, к пространству зала. Он что-то быстро сказал на своем гортанном языке товарищу. Тот кивнул, бледный как смерть.

Борг, расправившись с первым, с усмешкой повернулся к ним. Он пошел на темноволосого воина, считая его главной угрозой.

Пленник не стал ждать. Он бросился вперед, но не на Борга. Он рванулся к тому, кто лежал на полу, и выхватил из его ослабевшей руки деревянный меч. Теперь у него в руках было два клинка.

Борг ухмыльнулся, видя в этом отчаяние. Он замахнулся для удара.

Шотландец не стал отбивать удар. Он резко прыгнул в сторону, цепь на его ногах звякнула, но не помешала. Он оказался сбоку от Борга. И тут же ударил. Не по голове. Он ударил мечом по локтю, держащей щит. Раздался глухой, неприятный хруст.

Борг взревел от боли и неожиданности. Щит качнулся.

Второй шотландец, как и велел соратник, бросился вперед и просто врезался всем телом в Борга, отталкивая его и лишая опоры.

Шотландец был уже рядом. Он отшвырнул один меч, взял второй двумя руками. Он не бил. Он ткнул. Тупой конец деревянного клинка со всей силы пришелся Боргу в горло.

Тот захрипел, выпустил щит, схватился за шею, глаза вылезли из орбит. Он рухнул на колени.

А шотландец уже развернулся. Борг был не опасен. Он посмотрел на своего товарища, кивнул на того, кто лежал без сознания. Вместе они оттащили его к стене, подальше.

Тишина в зале была оглушительной. Потом ее взорвал яростный рев людей Драго. Они вскочили, хватая за оружие. Воины Ярна ответили им, вставая со скамей. Загремели мечи, вытасканные из ножен.

— Мой воин! — взвизгнул Драго. Его сухое лицо исказила ярость. — Эта собака убила моего лучшего воина!

— Он дышит, — холодно отозвался лорд Ярн, даже не взглянув на Борга, который синел на полу, хватая ртом воздух. В глазах Ярна промелькнуло что-то вроде уважения. Он смотрел на шотландца, который снова стоял прямо, с опущенными вниз руками. Он не праздновал победу. Он просто ждал следующей угрозы.

— Твой человек проиграл. Он был неосторожен.

— Он убил бы его, если бы меч был стальным! — Драго ударил кулаком по столу. — Эта тварь опасна! Он должен быть казнен!

— Он мой пленник, — напомнил Ярн, и в его голосе зазвучала сталь. — И его сила принадлежит мне. Я решаю, что с ней делать.

Драго понял, что перегнул. Он сдержался, но его глаза, полные злобы, забежали. Он снова посмотрел на шотландца, и теперь в его взгляде была не просто злость, а жадность. Так смотрят на редкого, строптивого жеребца, которого хотят приручить и оседлать.

— Тогда... подари его мне, Ярн, — сказал Драго, меняя тактику. Его голос стал скрипуче-заискивающим. — В знак нашего будущего союза. В моей яме он найдет достойных противников. Или сломается. В любом случае, это будет зрелище. А я... я добавлю к выкупу за твою дочь еще два десятка копий. Хороших, закаленных копий.

Лорд Ярн задумался. Двадцать опытных воинов — это серьезно. Он посмотрел на пленника, будто взвешивая его на невидимых весах.

И вот в этот момент раздался голос Фрей.

Она встала. Все взгляды, полные недоумения, устремились на нее. Женщины не вмешивались в дела мужчин, особенно в такие.

— Отец!

Ее голос был чистым и звонким. Он прорезал гул зала, как клинок.

— Дочь? — Ярн нахмурился, но не стал одергивать ее при всех. Он смотрел как его дочь подошла к самому краю помоста, к столу. Подол ее синего платья касался грязных камней, но девушка не обратила внимания на то, что дорогая ткань испачкалась.

— Ярл Драго прав, — сказала она, глядя прямо на отца, игнорируя гостя. — Этот пленник дик и опасен. Отправить его в яму к ярлу Драго значит дать ему шанс искупить то, что он сейчас совершил. Но если он выживет, то станет сильнее кого-то ни было из всех воинов ярла. Такое оружие не должно оказаться в “чужих” руках...

Она сделала легкое ударение на слове «чужих». Драго прищурился, пытаясь понять ее игру.

— Что ты предлагаешь? — спросил Ярн. В его глазах читалось любопытство.

— Отдай его мне, — просто сказала Фрея.

В зале прокатился гул. Эйвинд фыркнул.

— Тебе? На что тебе этот зверь, сестра? Украсить его шкурой спальню?

Фрея не удостоила старшего брата взглядом.

— Ты хочешь сделать подарок ярлу Драго, отец. Подарок должен быть достойным. Сейчас ты даришь дикого волка, которого нужно будет бить и голодом загонять в клетку. А что, если подарить прирученного волка? Послушного? Понимающего наш язык? Знающего наши команды?

Она повернулась, наконец, к Драго. Ее улыбка была холодной и вежливой.

— Ярл Драго, этот воин - дикарь. Он не понимает простых команд. Я знаю язык скоттов. Я могла бы обучить его за три месяца нашему языку. Тогда вы, уважаемый лорд Драго могли бы управлять этим могучим воином, не вставая со своего кресла. Разве такой дар не прославит вашу мудрость, который даже из врага может сделать ценную вещь? Разве это не будет достойным знаком нашего союза.

Она говорила льстиво, но в каждой фразе словно из подушечки для шитья торчали острые иголки.

Драго медленно потер бороду. Он любил, когда его называли мудрым. Идея превратить дикаря в послушного бойца — это вызов. Это достойно его величия.

Лорд Ярн одобрительно хмыкнул. Глянул на дочь, а после перевел взгляд на гостя. В голове лорда уже крутилось мысли, что если дочь преуспеет в обучении дикаря, это действительно перестанет выглядеть, будто в дар ярлу преподнесли простого раба. Да за него можно будет выторговать еще с десяток копий.

Драго посмотрел на Фрею с новым, неприятным интересом. Он понял, что его переиграла. Отказаться теперь — значит признать, что он довольствуется «скотом».

— Три месяца — это долго, — проскрипел он.

— Месяц, — неожиданно сказал Ярн, принимая решение. Его голос стал повелительным. — У тебя есть месяц, дочь. Преврати его из волка в пса. Научи его понимать приказы. Если через месяц он ничему не научится — он останется здесь для работы в каменоломнях. Если

научится понимать нашу речь — Он посмотрел на Драго, — он твой, ярл, и я добавлю к нему еще двоих пленников в придачу.

Драго, подсчитав выгоду, кивнул. Месяц — не срок. А два дополнительных раба — это хорошо.

— Пусть будет так.

Фрея склонила голову в знак согласия. Внутри все дрожало от напряжения, но лицо оставалось спокойным. Она выиграла время. Пусть всего лишь месяц.

— Стража, — скомандовал Ярн. — Отвести пленника в старую кузницу. Приковать. Он переходит под ответственность моей дочери.

Стражники двинулись к шотландцу. Он все это время стоял неподвижно, наблюдая. Он не понимал слов, но видел жесты. Видел, как эта девушка в синем платье говорила, и все слушали. Видел, как старый вороноподобный ярл кивал. Видел, как на него указывали.

И когда стражи схватили его за руки, чтобы увести, он вдруг понял. Его судьбой только что торговали. Снова. И на этот раз его купила она. Дочь лорда.

Его глаза нашли Фрею. Зеленое пламя ненависти в них полыхнуло с новой силой. Она встретила его взгляд. И в ее синих, холодных глазах он прочитал не сострадание, не доброту. Он прочитал то же самое, что видел в глазах ярла Драго. Расчет. Интерес. Только ее интерес был замаскирован лучше.

Шотландца увели. Фрея медленно вернулась на свое место. Она чувствовала на себе взгляд отца — оценивающий. Взгляд Драго — хищный и заинтригованный. Взгляд брата Эйвинда — полный злобы.

Она взяла кубок, сделала глоток. Вино было кислым и терпким.

Она добилась своего. У нее был месяц. И у нее теперь был он. Дикий, ненавидящий ее волк.

И первый шаг к ее свободе должен был начаться с приручения зверя. Или союза с ним. Она еще не решила. Но теперь у них обоих появился шанс.

Глава 3.

Старая кузница стояла на отшибе, у самой внутренней стены Холдгарда. Ее давно не использовали по назначению — построили новую, поближе к воротам. Здесь пахло ржавым железом, холодной золой и мышинным пометом. В единственном оконце, затянутом грязным бычьим пузырем, с трудом пробивался серый свет наступившего дня. В небольшой жаровне горел огонь, согревая мужчину. Дрова лежали тут же, ровной, аккуратной поленицей.

Грейт сидел на соломе на земляном полу, прислонившись спиной к каменной стене с почерневшими от копоти камнями. Цепи, прикованные к массивному кольцу в стене, позволяли ему встать во весь рост и сделать два шага в любую сторону. Не больше. Напротив, на чурбане, лежала деревянная миска с похлебкой — холодной, жирной, с кусками темного хлеба. Он не тронул ее.

Дверь скрипнула.

В проеме, закутанная в меховой плащ появилась дочь местного лорда. Она вошла, оставила дверь приоткрытой. Грейт заметил, что за дверью остались стоять двое стражников. Он усмехнулся про себя. Будто они могут защитить девчонку, пожелай он придушить ее. Холодный воздух потянулся за девушкой. Она оглядела помещение, ее нос чуть сморщился от запаха. Потом ее взгляд упал на нетронутую миску, потом на него.

— Ты не ел.

Он не ответил. Смотрел в стену перед собой.

Она сняла плащ, повесила его на гвоздь. Под ним оказалось простое шерстяное платье серого цвета, без вышивки. В руках она держала небольшую деревянную дощечку и кусок угля.

— Встань, — сказала она по-галльски.

Он не двинулся.

— Встань, — повторила она, и в голосе появилась сталь.

Медленно, с глухим лязгом цепей, он поднялся. Он смотрел на нее сверху вниз, и в его зеленых глазах было одно сплошное презрение.

Фрея не отступила. Она подошла ближе, на расстояние вытянутой руки. Если бы он захотел, то мог бы схватить ее за горло. Цепи позволили бы.

— Меня зовут Фрея, — сказала она четко, тыча углем в свою грудь. — Фре-я.

Она повторила несколько раз. Потом указала на него.

Он молчал.

- Как зовут тебя?

Грейт упрямо смотрел только на стену выше головы этой мелкой занозы.

- Как тебя зовут? Тебе лучше ответить. Иначе я дам тебе нормандское имя. Его и напишут на твоём могильном камне.

Грейт сжал челюсть. Ну уж нет! Никаких поганных нормандских имен.

- Грейт Маккензи. - его голос был хриплым, треснутым. Давно он рта не раскрывал.

— Тебя зовут Грейт, — повторила она. — Я поняла тебя, Грейт.

Он нахмурился. Девчонка произносила его имя с каким-то неуловимым акцентом. И Грейту это... не было неприятно.

— Твое имя Грейт, — она написала на дощечке углем руну, похожую на стрелу, направленную в небо. — Это — «Г». Первая буква. Твое имя.

Она показала ему дощечку. Он бросил на нее короткий, непонимающий взгляд, затем снова уставился в стену.

Фрея вздохнула. Она поставила дощечку на чурбан, взяла метлу, прислоненную к стенке. Она подошла и протянула ее ему рукоятью вперед.

— Подмети пол.

Он посмотрел на метлу, потом на нее. Его лицо не изменилось. Он не пошевелился.

— Подмети пол, — ее голос упал до шепота, но в нем прозвучала явная угроза.

Грейт медленно поднял руку и взял древко выше её пальцев. Он не вырвал метлу — он резко потянул её на себя, коротким и мощным движением. Девушка, не успев разжать пальцы, рванулась вперед вместе с ней, потеряв равновесие. Её тело неуклюже качнулось, и она едва не упала ему прямо на грудь, остановившись лишь в сантиметре, упершись ладонью в его рубашку.

Он стоял, не отступая, сжимая древко в кулаке, как дубину. Его дыхание стало тяжелым и шумным в внезапно наступившей тишине. Девушка же замерла, чувствуя тепло его тела и напряженные мышцы под тонкой тканью. Её собственная рука, всё еще вытянутая вперед, дрожала. Но Фрея не отпрянула. Она выдержала его взгляд.

— Твоя еда, — сказала она, отстраняясь и кивая на миску, — зависит от меня. Хлеб. Мясо. Соль. Все. Если ты не будешь работать, ты не будешь есть. А твою порцию отдадут Броку. Тому воину, которого ты едва не убил. Ты помнишь его? Он сейчас восстанавливает силы. Ему лишний кусок не помешает.

Глаза Грейта метнулись к ее лицу. Он понял ее. Она это видела. И использовала его ненависть к тому воину, что посмел поднять на него меч, хоть и деревянный.

— Ты хочешь, чтобы он получил твою еду? — спросила она ровно. — Или ты хочешь есть сам? Если да, тогда уберись тут. Иначе я испачкаю свое платье, пока нахожусь здесь.

Он стоял, тяжело дыша. Ненависть исходила от него почти осязаемо. Он посмотрел на метлу в своей руке, потом на грязный пол, усыпанный соломой и пеплом.

Он плюнул. Плевков лег между ними.

Потом развернулся и, лязгая цепями, начал грубо, с силой сметать мусор в угол. Он делал это с такой яростью, будто пытался содрать верхний слой земли.

Фрея наблюдала. Внутри все сжалось. Это была не победа. Это была первая, маленькая уступка, вырванная шантажом. Но это было начало.

Когда он закончил, он швырнул метлу обратно в угол и снова уселся на свое место, отвернувшись.

— Хорошо, — сказала Фрея. Она подошла к чурбану, взяла миску и поставила ее рядом с ним — Ешь.

Он не посмотрел на нее. Но через минуту его рука потянулась к миске. Он ел быстро, жадно, не отрываясь, как животное, защищающее добычу.

Фрея кивнула. Он понимает простые команды. А возможно и больше, чем все остальные думают. А это значит, что ее противник не только силен, но и умен. Фрея вышла, забрав дощечку. Первый урок был усвоен ими обоими.

На двор опустилась ночь. Ветер выл в щелях кузницы. Грейт лежал на тонком слое соломы, укрытый потрепанным одеялом. Спать не получалось. Мешали холод, боль от цепей, а главное — ярость. Она булькала в нем, как кипящая смола. Он решил, что нужно подбросить дров в очаг. Так глядишь и уснет, согревшись.

Когда полено затрещало, Грейт протянул к жаровне озябшие руки и прикрыл глаза, чувствуя как по телу разливается тепло.

И тут, сквозь треск огня, он услышал звук. Не ветер. Приглушенный, ритмичный стук. Тук. Тук. Пауза. Снова тук, тук.

Он приоткрыл глаза. Звук доносился со двора. Он подполз к оконцу, насколько позволяли цепи. Грязь на пузыре мешала разглядеть что-то четко, но во дворе, залитом бледным светом луны, скрывшейся за облаками, он увидел движение.

Он проковырял небольшую дырку в пузыре. Ее потом можно и соломой заткнуть, а вот увидеть источник звука очень даже хотелось.

Во дворе, у стены сарая, он увидел фигуру мальчишки. Но едва луна вышла из-за тучи, как Грейт с удивлением понял, что за худого парнишку он принял дочь местного лорда. Фрею!

Сейчас она была не в том роскошном платье. На ней были плотные штаны из грубой ткани, заправленные в сапоги, и теплая туника. Ее светлые волосы были туго стянуты в хвост. В ее руках был деревянный меч. Тот самый, что кинули Грейту в первый день пребывания в этом проклятом месте. Перед ней, на шесте, болталось тряпичное чучело, набитое, судя по всему, соломой.

Девушка наносила удар. От плеча, по диагонали. Тук. Чучело отлетало, качалось. Она принимала стойку. Наносила удар с другой стороны. Тук. Ее движения были не идеальны. Иногда она теряла равновесие, особенно когда чучело отскакивало и раскачивалось непредсказуемо. Однажды она даже споткнулась о камень, скрытый снегом, и упала на колено. Он услышал сдавленное ругательство.

Она поднялась. Стерла снег с колена и снова начала. Тук. Тук. Тук.

Потом она отложила меч. Взяла лук и колчан со стрелами. Она отходила на разные расстояния, выпускала стрелу за стрелой в нарисованный на доске круг. Не все попадали в центр. Многие втыкались по краям. Но ни одна не пролетала мимо цели. Лицо ее было сосредоточено, губы плотно сжаты. На морозе ее дыхание вырывалось белыми клубами.

Грейт наблюдал, прикинув к проему. В его голове теснились разные мысли.

Он ожидал увидеть изнеженную дочку лорда. Ту, что приказывает, одетая в шелка, и пахнет духами, а не потом. Ту, что смотрела на него с холодным расчетом.

Но эта девушка во дворе... Она была другой. Она падала и поднималась. Ее руки, держащие лук, дрожали от усталости, но она натягивала тетиву снова и снова. В ее движениях была не грубая сила его братьев по оружию, а какая-то яростная, упрямая настойчивость. Она тренировалась в темноте, в холод, когда все спали. Как он когда-то тренировался в горах, чтобы быть сильнее, быстрее, выносливее.

Он видел, как она, выпустив последнюю стрелу, опустила лук и просто стояла, тяжело дыша, опустив голову. Плечи ее слегка вздымались. Она выглядела не побежденной, но невероятно уставшей. Одинокой.

Потом она встряхнулась, собрала стрелы, подобрала деревянный меч и, укрывшись меховым плащом, быстро скрылась в темноте, направляясь к главному дому.

Грейт заткнул дыру в пузыре пучком соломы, отполз от окна и сел у жаровни. Злость на девчонку по-прежнему клокотала внутри него. Но теперь к ней примешалось что-то еще. Не уважение, нет. Интерес. И признание. Признание силы воли. Он боролся за выживание в цепях. Она боролась за что-то свое, невидимое, здесь, в сердце своего же дома. И в этой борьбе они были... похожи.

На следующий день она пришла снова. С дощечкой.

— Садись, — сказала она, указывая на чурбан.

Он сел. Он больше не отворачивался. Он смотрел на нее, и его взгляд был теперь другим. Не менее тяжелым, но более изучающим.

Она показала ему пять новых рун. Названия простых вещей: огонь, вода, хлеб, меч, дверь. Она произносила, он повторял хриплым, отвыкшим от общения, голосом. Он схватывал на ухо быстро. Привыкший выживать, он жадно впитывал все о мире своего врага.

Потом она указала на руну, которую писала вчера. Руну «Г». Потом на него.

— Грейт, — сказала она.

Он кивнул.

Она написала новую руну, похожую на стрелу, летящую вниз. — «Ф». Фрея.

Она ткнула в себя. Потом провела углем черту между двумя рунами.

— «И». Это значит «и». Грейт и Фрея.

Он посмотрел на две руны, разделенные чертой. Его имя и ее имя. Связанные. На его лице промелькнуло что-то сложное. Он указал на ее руну, потом на дверь, потом сделал жест, словно что-то отбрасывает прочь. Его вопрос был ясен: ты и дверь. Уйдешь?

Фрея поняла. Она покачала головой. Взяла уголь и нарисовала простую схему: квадрат (дом), палочку (она) внутри. Потом перечеркнула это. Потом нарисовала корабль и палочку уже на нем.

Грейт смотрел, его брови поползли вверх. Он указал на корабль, потом на себя, вопросительно.

Она пожала плечами, развела руками.

“Не знаю”.

Это был первый настоящий диалог. Без слов, но с пониманием.

Потом она написала другую руну — ту, что означала «честь». Сложная руна, с несколькими ответвлениями. — «Дренгскап». Честь. Доблесть. Мужество.

Грейт посмотрел на руну. Потом медленно поднял глаза на нее. И вдруг хрипло, на своем ломаном норвежском, произнес:

— Честь? Это... когда отец продает дочь, как... корову?

Голос его был грубым, слова — неточными, но смысл был ясен.

Фрея замерла. Вся кровь отхлынула от ее лица. Он видел, как ее пальцы сжали кусок угля так, что он затрещал.

Она не закричала. Не ударила его. Она медленно опустила дощечку на чурбан. Встала. Ее лицо было белым и жестким, как лед на озере.

— Честь, — сказала она тихо, четко выговаривая, будто резала слова, — это когда у тебя есть долг перед родом. И ты его исполняешь. Даже если сердце... — она на мгновение запнулась, — даже если сердце не хочет. А глупость... — она посмотрела прямо на него, и в ее синих глазах горел такой же холодный огонь, что и в его зеленых, — это когда раб, который ничего не знает о нашей жизни, судит лордов. Я вижу, ты понимаешь наш язык. но ты не понимаешь, что говоришь.

Она развернулась, взяла свой плащ и вышла. Дверь захлопнулась с таким громким звуком, будто девчонка представляла, что рубит ему шею.

Грейт остался сидеть. Воздух в кухне показался холоднее после ее ухода. Он посмотрел на дощечку, где их имена были связаны чертой. Он не почувствовал удовлетворения от того, что задел ее. Он почувствовал что-то другое. Неловкость? Он видел боль в ее глазах. Ту самую боль, которую он хотел причинить. Кроме того, он выдал свой главный секрет. Он понимает язык врага. Доложит ли дочь своему отцу о том?

Он потянулся, взял дощечку. Стер рукавом угольную черту между их именами. Потом еще раз, пока не осталось только два отдельных символа. Г. И Ф.

Он сидел, глядя на них, пока снаружи не стемнело окончательно. В голове у него стоял образ: она во дворе, падающая на колено в снег. И поднимающаяся снова.

Раб и дочь лорда. Нет никакого “И”. Есть только две отдельные руны.

*Дорогие читатели! Рада представить вам ещё одну участницу нашего Боевого Литмоба! Женя Сталберг и ее "Пиковый орден. Слепая вера"

<https://litnet.com/shrt/s0EQ>

Глава 4.

Кузница пахла холодным пеплом и сыростью. Серый свет пробивался через грязное оконце, едва разгоняя мрак. Грейт сидел на чурбане, цепь от настенного кольца лежала на земле полукругом, позволяя ему немного передвигаться. Фрея стояла перед ним, держа в руках дощечку с углем.

— Снова, — сказала она, указывая на нарисованную руну, похожую на перевернутую ветку. — «Зима».

— Зима, — хрипло повторил Грейт. Его произношение стало заметно лучше за прошедшие дни. Он смотрел не на доску, а на нее. На ее лицо. Он заметил синеватые тени под глазами, которых не было раньше. Усталость. Или бессонница.

— Верно. — Она писала следующую руну. — «Путь». «Дорога».

— Вег, — отозвался он.

Он молчал пару секунд, собирая слова в голове. Язык давался ему тяжело, но его ум был ясен.

— Твой отец... не знает, — произнес Грейт медленно, выверяя каждое слово, смешивая ненавистный язык норманнов с привычным для него гэльским наречием.

Фрея замерла с углем в руке.

— Не знает что?

— Что ты... здесь. Ночью. Что ты... — он сделал жест, будто держит лук и натягивает тетиву, затем указал на свои глаза. — Я видел.

Она не отрицала. Не покраснела. Ее лицо осталось каменным.

— Это не твое дело.

— Ты падаешь, — сказал он просто. — Когда бьешь мечом. Теряешь равновесие. После удара.

Фрея отложила дощечку. Ее брови поползли вверх.

— Ты учишься говорить «хлеб» и «зима», а уже пытаешься учить меня бою? Меня учили лучшие оруженосцы Холдгарда. Наравне с моими братьями. Я знаю в какой стойке стоять и какой удар наносить!

— У тебя... другой центр, — упрямо продолжал Грейт. Он встал, лязгнув цепью, и принял грубую подобие стойки, держа воображаемый меч. — У мужчины... здесь. — Он хлопнул себя по груди, чуть ниже ключиц. — Тяжесть. Он наклоняется вперед. Ты... — он запнулся, ища слово, потом просто провел рукой по воздуху, очерчивая плавную линию от ее плеч вниз и назад. — Ты тяжелее... сзади. В бедрах. Ты наклоняешься, как мужчина, но твое тело хочет упасть. Поэтому ты спотыкаешься.

Он говорил практично, как обсуждал бы поломку лука или плохой баланс топора. Но слова его будто заморозили девушку.

Фрея застыла. Сначала на ее лице появилось недоумение. Потом оно сменилось вспышкой ледяного гнева. Щеки ее покрылись алым румянцем. Он только что указал на ее ягодицы. Прямо. Как на объект, влияющий на технику боя.

— Ты смеешь... — начала она, голос ее понизился до опасного шепота. — Ты, скованный пленник, смеешь говорить мне о моем теле? О том, где у меня «тяжесть»?

Грейт не отступил. Он пожал плечами, но его зеленые глаза были спокойны. В разговоре они незаметно для самих себя перешли на язык шотландцев.

— Я говорю правду. Вижу ошибку. Ты хочешь бить лучше? Исправляй ошибку. Не наклоняйся так сильно вперед. Стой прямее. Переноси вес на... — он снова жестом обозначил ее бедра, — сюда. Крепче стой. Тогда не упадешь.

Он не улыбался. Не насмехался. Как если бы указал, что у меча треснула рукоять.

Ярость в глазах Фреи медленно угасла, сменившись резкой холодностью. Она отвернулась от него, уставившись в почерневшую стену кузницы. Ее пальцы сжались в кулаки. Она мысленно прокручивала свои ночные тренировки. Падения. Неустойчивость. Да, она всегда пыталась копировать братьев — их широкие, размашистые стойки. И да, ее тело, более узкое в плечах и с иным распределением веса, сопротивлялось.

Он был прав. Локи его возьми, он был прав.

Фрея резко выдохнула и повернулась к нему.

— Урок окончен, — бросила она коротко и подняла свой плащ. — Еда будет позже.

Она вышла, не оглядываясь, оставив его с недописанными рунами и чувством, что он пересек какую-то невидимую черту.

Ее комнаты в башне были островком относительного спокойствия. Сюда гул большого зала не долетал. Фрея сбросила плащ и села на краю кровати, закрыв лицо руками. В ушах все еще звучал его хриплый голос. «Ты тяжелее сзади». Грубо. Без прикрас. Но неоспоримо.

— Дитя мое? Что случилось?

В дверях появилась ее верная Астрид. В ее руках был поднос с хлебом, сыром и кувшином теплого молока с медом. Старые глаза няни сразу вычислили тоску в позе Фреи.

— Ничего, Астрид. Просто устала.

— От уроков с дикарем? — Астрид поставила поднос на ларец, ее голос звучал неодобрительно. — Тратишь на него силы. А скоро... скоро тебе понадобятся все силы для новой жизни.

Фрея подняла голову. Ее взгляд упал на узкое окно, за которым уже сгущались зимние сумерки.

— Новой жизни. В холодных покоях Драго. Среди чужих людей, которые будут смотреть на меня как на кусок дорогой собственности. За которую заплатили союзом.

— Фрея! — Астрид подошла, села рядом, взяла ее руку. Ее ладонь была шершавой и теплой. — Не говори так. Это твой долг. Ты — кровь Ярна. Твоя сила — в этом союзе. Ты обеспечишь мир на наших границах. Возможно, родишь сына, который объединит оба клана. Это высокая честь.

— Высокая честь? — Фрея вырвала руку. Она встала, начала нервно ходить по комнате. — Это участь хорошо откормленной овцы, Астрид! Мою судьбу решали за столом переговоров, как цену на железную руду! Я помню себя маленькой и ярл Драго уже тогда был стариком! Он смотрит на меня как на вещь!

— Такова воля твоего отца и богов, дитя. Женщина принадлежит своему роду, потом — мужу. Так было всегда.

— А что принадлежит мне самой? — голос Фреи дал трещину. Она остановилась у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу. — Не о том Я местала. Тем летом, когда конунг остановился у нас, проезжая дальше на север. Ты помнишь? Помнишь Рейдена? Я думала... Все было таким реальным! И договор отца с конунгом выглядел надёжным. Я должна была стать женой Ястреба Севера! Но не племенной кобылой для ярла Драго! Почему боги так посмеялись над нами?

Астрид тихо всхлипнула. От этого звука Фрея быстро пришла в себя. Дочь Севера не будет ронять слезы попусту.

— Я не верю в то, что Ястреб предатель. Я должна его увидеть и все выяснить сама.

— А что если это правда? Что бы будешь делать потом? Вернёшься к Драго?

Фрея взглянула в узкое окно. Но она видела не заснеженный лес и не хмурое небо. — Нет. Я никогда не позволю Драго дотронуться до себя. Я читала книги в отцовской библиотеке. Я знаю, что мужчины делают с женщинами на брачном ложе. Нет. Я не позволю этого.

— Но, девочка моя, путь в Холгард для тебя будет закрыт, если решишься отказать ярлу. Фрея развернулась и неспешно прошла до камина. Протянув руки над огнем, девушка тихо проговорила:

— Я читала книги, Астрид. Старые свитки о землях на юге. Там есть море, которое не замерзает. Там песок теплый, как печной камень. Там солнце греет кожу, а не просто светит бледным пятном. Я... я хочу это увидеть. Хочу почувствовать этот песок под ногами. Хочу плыть на корабле не вдоль знакомых фьордов за рыбой, а в неизвестность, где я буду не дочерью Ярна, а просто... Фреей.

Она говорила шепотом, словно боялась, что стены услышат эту крамолу.

Астрид смотрела на нее с безмерной жалостью и страхом.

— Дитя мое... Девушка в таких землях... ты пропадешь. Твоя красота станет проклятием. Твой нрав погубит тебя. Здесь у тебя есть защита. Имя. Даже с Драго... это тяжело, но это закон. Это путь.

— Путь в могилу, — прошептала Фрея. Она повернулась к няне, и в ее глазах не было больше слез. Только твердое, холодное решение. — Я не пойду по этому пути, Астрид. Я не могу.

— Но что ты можешь сделать? — в голосе старухи слышалась паника.

Фрея не ответила. Ее взгляд снова стал рассеянным, устремленным внутрь себя, где уже складывались обрывки безумного плана.

Грейт проснулся от сильного пинка в ногу. Резкого, нарочитого. Его инстинкты сработали мгновенно — он рванулся в сторону, цепь звякнула, и он оказался на ногах в низкой боевой стойке, прежде чем сознание полностью вернулось к нему.

В кузнице было темно. Жаровня погасла. Лунный свет слабо просачивался внутрь. А перед ним стояла неясная фигура в темной одежде.

— Тише, пес. Не греми ошейником так громко. И у стен есть уши. — проговорил женский голос. Голос Фреи звучал приглушенно, с легкой насмешкой.

Она зажгла маленькую масляную лампу, прикрыв пламя рукой. Свет выхватил из тьмы ее лицо и одежду. На ней были темные мужские штаны, сапоги и простая туника, перехваченная кожаным поясом. Ее волосы были туго заплетены в одну косу и убраны под темный капюшон.

Она осмотрела его с ног до головы, ее взгляд скользнул по его напряженным мышцам, по боевой стойке, в которую он встал даже во сне.

— Хорошая выучка для человека в цепях, — заметила она.

— Что ты хочешь? — спросил он хрипло, опуская руки, но не расслабляясь.

— Ты сказал, что видишь мои ошибки, — сказала она, ставя лампу на чурбан. — Ты сказал, что знаешь, как их исправить. Так покажи.

Она вытащила из-за пояса короткий деревянный тренировочный нож, похожий на те, что используют оруженосцы.

— Цепи, — напомнил он, поднимая закованные запястья.

Фрея вынула ключ. Не тот, что от настенного кольца, а другой, поменьше. Она подошла, вставила его в замок наручников. Щелчок. Тяжелые железные браслеты упали на солому. Он почувствовал, как кровь хлынула к онемевшим запястьям, и не удержался от тихого стога облегчения.

— Только на руках, — предупредила она, указывая на кандалы, все еще связывающие его лодыжки короткой цепью. — Чтобы ты не вздумал убежать. И чтобы ты почувствовал, о чем говорил. Центр тяжести.

Не говоря больше ни слова, девушка вышла во двор. Грейт помедлил. Огреть бы эту заносчивую девицу по голове поленом и путь к свободе будет открыт. Только вот со скован-

ными ногами он что конь стреноженный. Далеко не уйдет. Подумав ещё одно мгновение, Грейт все же двинулся осторожными шажками во двор.

Фрея уже стояла у тренировочного столба. Рядом два молчаливых охранника. Не с деревянными мечами. С настоящими.

Девушка отступила на пару шагов, приняла свою обычную стойку, ноги на ширине плеч, тело слегка наклонено вперед, тренировочный нож в правой руке.

— Ну? Исправляй.

Грейт медленно выпрямился. Он потянулся, разминая плечи, почувствовал непривычную легкость в руках. Потом посмотрел на нее.

— Стойка... шире, — сказал он. Подошел, не обращая внимания на то, как она насторожилась. Он не касался ее. Он ткнул в землю перед ее правой ступней. — Сюда. — Потом перед левой. — И сюда. Шире, чем у мужчины.

Она переставила ноги.

— Теперь... выпрямись. Не наклоняйся. Представь, что от твоих... — он запнулся, искал слово, махнул рукой у нее за спиной, — от спины и до пят идет столб. Дерево. Ты — дерево. Тяжесть в корнях. В ногах. В бедрах. Не здесь. — Он ткнул себя в грудь.

Фрея медленно выпрямила спину. Лицо ее было сосредоточено. Она попробовала перенести вес, почувствовать новое положение.

— Теперь удар, — сказал Грейт, отходя. — Бей меня. Покажи.

Она атаковала. Быстро, резко, удар снизу вверх, как ее учили. Но теперь, с более широкой и прямой стойкой, движение пошло иначе. Оно было короче, но мощнее. Она не потеряла равновесия.

Грейт парировал легко, его собственное движение было едва заметным.

— Лучше, — буркнул он. — Но ты все еще думаешь как мужчина. Ты пытаешься бить силой. У тебя ее меньше в плечах. Но у тебя есть скорость. И ты можешь бить не так. — Он сделал шаг вперед, его удар был не размашистым, а коротким и хлестким, как удар плети, и направленным не в корпус, а в шею или лицо. — Коротко. Быстро. Не давать схватиться. Бить и отходить. Использовать ноги. Крутиться. Твой враг будет ждать от женщины слабости. Покажи ему скорость.

Он показывал, двигаясь с удивительной грацией для человека в ножных кандалах. Его стиль был чуждым, построенным не на грубом давлении, а на точности, углах атаки и использовании неповоротливости противника.

Фрея наблюдала, забыв на миг обо всем. Она видела в его движениях отголоски другого боя, горного, более подходящим к узким ущельям и быстрым стычкам.

Далее они тренировались в молчании. Он поправлял ее жестами и короткими фразами. «Нет. Короче». «Вот так. Да». «Повтори».

Она ловила каждое слово. Пот катился по ее вискам.

Наконец, она опустила клинок, тяжело дыша. В ее глазах горело странное чувство — не триумф, а жадное, ненасытное любопытство.

— Кто тебя так научил? — спросила она.

— Моя земля. И мои враги, — просто ответил Грейт. Он тоже дышал тяжело, но стоял устойчиво, как скала. — Чтобы выжить в горах, нужно быть хитрее и быстрее, чем тот, кто сильнее.

Она смотрела на него, и стена между пленником и хозяйкой в этот миг казалась тонкой, как лед на луже ранней весной.

— Завтра, — сказала она, вытирая пот с лица тыльной стороной руки. — Завтра снова урок языка. А потом... покажешь еще.

В старую кузню он шел впереди дочери ярла. Потому как за ней все так же молча двигались двое вооруженных охранников. Одно его неловкое движение и они кинутся защищать хозяйскую дочку.

Фрея подняла упавшие наручники. Подошла, чтобы надеть их обратно. Их взгляды встретились. Он не сопротивлялся, протянул руки. Металл снова сомкнулся на его запястьях с тихим щелчком.

— Надеюсь, тебе не стоит напоминать, что нужно держать языка за зубами? Узнают о моих тренировках, узнают и о том, что ты понимаешь наш язык. — сказала она, развернувшись к двери.

Она вышла, растворившись в темноте. Грейт остался стоять, слушая, как удаляются ее шаги. Он потерял запястья. В воздухе еще витал ее запах, тонкий аромат цветов. Будто вереск. Только заключенный в холодный зимний воздух. Или лед.

Он медленно опустился на солому. Цепи на ногах звякнули. Но теперь он чувствовал не только их вес. Он чувствовал странные путы, что могли оказаться прочнее кандалов.

Дорогие читатели! Рада представить вам ещё одну участницу нашего Боевого Литмоба!

Мария Кокорева “Я иду з тобой”

<https://litnet.com/shrt/3ZyO>

Глава 5.

Морозное утро впилося в кожу острыми зубами. Грейта вытолкали на внутренний двор Холдгарда так грубо, что он едва удержался на ногах. Его руки, скованные перед собой, мешали балансу. Цепи на ногах звякнули, волочась по утоптанному снегу.

Перед ним стоял Эйвинд, старший сын лорда. Его лицо было красным от невысказанной злобы, а не от холода. В его руке была короткая, толстая плеть с медным наконечником на конце.

— Стоять, скотт, — прошипел он.

Грейт остановился. Он дышал ровно, пар вырывался из его ноздрей густыми клубами. Он смотрел не на плеть, а на лицо Эйвинда. Он понимал эту злобу. Она не была направлена на пленника вообще. Она была направлена на того, к кому проявляла интерес его сестра.

Плеть свистнула и со звонким щелчком впилась Грейту в плечо, поверх тонкой рубахи. Боль была острой и жгучей. Грейт сжал зубы так, что хрустнули скулы. Но он не издал ни звука. Не пошатнулся. Только глаза его сузились и взгляд впился в Эйвинда.

— Моя сестра, — сказал Эйвинд, подходя так близко, что Грейт почувствовал запах перегара и пота. — Она приходила к тебе ночью. Зачем?

Грейт помолчал. Он перевел взгляд куда-то за спину Эйвинда, в серое небо. Его молчание было плотным, как стена.

Эйвинд ударил его снова. На этот раз по лицу. Медный наконечник рассек кожу на скуле. Теплая кровь потекла по щеке, смешиваясь с потом и грязью.

— Отвечай, собака! Что она там делала? Говорила с тобой? — Эйвинд ткнул его плетью в грудь.

Стражники, стоявшие поодаль, переглянулись и засмеялись. Один из них, широкоплечий детина с облупившимся носом, крикнул:

— Может, она его гладила? Готовит из дикого пса ручного! Скоро будет лизать руку новой хозяйке, как щенок!

Другие загоготали.

Но Эйвинд не засмеялся. Он внимательно смотрел в лицо Грейта, пытаясь понять, уловил ли тот смысл его слов. Видит ли в его глазах хоть каплю понимания, а значит, и способности что-то рассказать.

Грейт оставался непроницаемым. Кровь капала с его подбородка на снег, образуя маленькие алые точки. Промокод - **AVTOR10**

— Ладно, — выдохнул Эйвинд, отступая. Злоба в нем не утихла, но сменилась другим расчетом. — Раз молчишь, будешь работать. Холдгарду нужны дрова. Много дров. А наша челядь занята. Негоже им ради какого-то шотландского пса бросать свои дела. Так что будешь рубить сам. Если, конечно, не хочешь замерзнуть в своей конуре насмерть.

Он махнул рукой стражникам.

— На привязь. И в лес. Дать ему топор. Самый тупой, что найдете. И лучника к нему приставить. Если дернется — пусть лучник сделает в его шкуре дыру. Поняли?

Через полчаса Грейт шагал по лесной тропе, уходящей от стен Холдгарда в густую, молчаливую чащу сосен и елей. Длинная, тяжелая цепь была прикована одним концом к наручникам на его запястьях, а другим — к седлу одного из стражников-всадников. Еще двое шли пешком по бокам. Четвертый, лучник, держался чуть сзади, его лук был наполовину натянут, стрела с железным наконечником лежала на тетиве. Грейт чувствовал его взгляд промеж лопаток.

Топор, который Грейту сунули в руки, был старым, с облупившимся древком и лезвием, затупленным до состояния почти круглой железной болванки. Им можно было не рубить, а скорее молотить по дереву.

Они нашли подходящую поляну с сухостоем. Стражник-всадник закрепил конец цепи на крепком суку старой сосны.

— Руби, зверь. Пока не скажем «хватит».

Лучник натянул тетиву чуть сильнее. Стрела была направлена прямо в спину Грейта.

Пленник вздохнул. Он осмотрел топор, покачал головой, но не стал возмущаться. Вместо этого он подошел к первому сухому, но еще крепкому стволу, встал в устойчивую позицию, расставив ноги, несмотря на мешающие кандалы, и занес топор.

Первый удар. Глухой стук. Древесина лишь слегка вмялась.

Второй удар. Третий.

Это был простой, изматывающий физический труд. Тот самый, которым он занимался в своем клане с детства: заготовка дров на долгую суровую зиму. Память тела проснулась. Ритм ударов стал ровнее. Он нашел точку, где тупое лезвие все-таки вгрызлось в дерево. Плечи и спина горели приятным, знакомым огнем. На лбу выступил пот, смешиваясь с запекшейся кровью на щеке. В этой работе была примитивная, почти животная радость. Делать что-то. Видеть результат. Быть сильным.

Он рубил почти до полудня, не останавливаясь. Стволы падали один за другим, хрустя и ломая нижние ветки. Стража сначала наблюдала бдительно, потом стала скучать, перешептываться, греться у разведенного на краю поляны костра. Только лучник не ослаблял внимания.

Они углублялись в лес, двигаясь от поляны к поляне. Грейт шел молча, но его глаза, привыкшие читать горные тропы, работали без остановки. Он замечал сломанную ветку там, потертость коры здесь, направление, куда лег снег, сбитый чьим-то телом. Он видел следы. Не оленя и не зайца. Крупные, округлые, с отпечатками когтей. Волчьи.

Он увидел их первыми. Следы вели вглубь чащи, к бурелому и густому кустарнику. Место, идеальное для логова. Он ничего не сказал своим тюремщикам. Просто кивком показал на очередной сухой ствол подальше, как бы выбирая лучшую добычу, и двинулся в том направлении, уводя группу чуть в сторону от самого опасного места. Враг его врага, подумал он про себя, глядя на грубые морды стражников, может стать моим союзником.

Грейт принялся работать. Отчаянно нанося удары по стволу, он поглядывал между делом сквозь ветви, ища признаки того, что логово не пусто. И вот он дождался. Ветка едва заметно дрогнула...

Именно тогда с опушки, со стороны Холдгарда, донесся громкий топот копыт.

На поляну, разбрасывая снег, на своем высоком гнедом жеребце влетела Фрея. Лицо ее было бледным от холода и гнева. Она осадил коня прямо перед братом, который вышел из-за деревьев.

— Эйвинд! Что это значит? Где мой пленник?

— Он рубит дрова, сестра, — усмехнулся тот. — Приносит пользу. Или ты хотела, чтобы он просто ел наш хлеб и занимал место?

— Он моя ответственность! — выкрикнула Фрея, спрыгивая с коня. Ее глаза метнулись к Грейту, который стоял у поваленного ствола, опираясь на топор. Она увидела свежую кровь на его лице, рваную одежду на плече. Ее губы сжались в тонкую линию.

— Ты избил его.

— Он не слушался, — пожал плечами Эйвинд.

Грейт наблюдал за ними. Он видел её разгневанное лицо, слышал её высокомерный тон. «Моя ответственность. Мой пленник». Дрянная девчонка, думает, что может быть хозяйкой ему, Грейту из клана Маккензи, которого в горах звали Волком за умение выживать и мстить.

Горькая, ироничная усмешка тронула его окровавленные губы. Забавное стечение обстоятельств. Они хотели из ярловского пса сделать волка. Но он и есть Волк. Всегда им был.

Он отвернулся. Поднял топор и обрушил его на очередную ветку, откалывая щепу. Он делал вид, что их ссора его не касается.

— Грейт! — резко позвала Фрея, подходя ближе. Она схватила его за цепь между наручниками и дернула. — Идем. Немедленно. Домой.

Ее брат громко рассмеялся.

— Смотри-ка! Собачка не слушается свою новую хозяйку! Может, он выбрал меня? Я хоть мужик, а не девка с платочком!

Толпа стражников как по команде рассмеялась над шуткой своего предводителя. Грейт видел, как девушка сжала кулаки. Как в ее глазах мелькнула злость. Казалось, вот-вот она кинется на старшего брата. Да только как это будет выглядеть, когда новости дойдут до их отца? Девка вступилась за него, за пленника и врага, схлестнулись с собственным братом? Нет, эта заносчивая девица не допустит такого позора.

Фрея почувствовала как ее щеки опалил румянец. От злости на брата и этого упрямца в цепях.

Она дернула цепь, но Грейт не двинулся с места. Он стоял, как будто в землю врос. И намеренно отвел взгляд, будто и не понимал слов своих тюремщиков. Он смотрел мимо них, в темноту леса, где сгустились тени.

Ей ничего не оставалось, как резко бросить цепь. Не стоять же здесь, на виду у всех, под ехидными взглядами Эйвиндовых прихвостней.

Фрея отошла от Грейта, все ещё злясь на него и на брата. И развернувшись, собралась было обругать пленника за его ослиное упрямство.

Как вдруг тот резко дернулся. Не назад. Вперед, вырывая цепь из кольца на дереве. И тут же он занес топор.

Его движение было стремительным, как бросок змеи.

Эйвинд вскрикнул, хватая за рукоять меча. Фрея же отпрянула, поднимая руки к лицу, закрываясь от опасности.

Доля секунды...

Тупой топор, крутясь в воздухе, пролетел в дюйме от ее плеча. И он предназначался не для нее.

С глухим, кошмарным стуком он врезался в огромного серого волка, который, пригнувшись, бесшумно выскочил из кустов рядом с Фреей, нацелившись на ее незащищенный бок.

Удар пришелся волку в лоб. Тупое железо не убило его, не раскололо череп. Но оно сбilo зверя с ног, оглушило и рассекло кожу до кости. Темная кровь брызнула на белый снег. Волк с визгом откатился в сторону, встал на шаткие лапы, трясся окровавленной головой, и скрылся в чаще, истошно завывая.

На поляне сразу наступила мертвая тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием людей.

Фрея стояла, широко раскрыв глаза, глядя туда, где только что был волк. Потом ее взгляд медленно вернулся к Грейту.

— Ты... — начала она, но голос ее сорвался.

Эйвинд опомнился первым. Его страх сменился новой волной ярости.

— Он знал! — проревел он, указывая пальцем на Грейта. — Проклятый шотландский пес! Он специально вел нас сюда! Он видел следы! Видел волчьи угодья! Он хотел, чтобы нас растерзали!

Он говорил, может быть, и правду. Но сейчас это не имело значения.

Грейт не слушал его. Его внимание было приковано не к кричащему человеку, а к лесу. К тому месту, откуда пришел первый волк. Завывание раненого зверя было не просто криком боли. Это был сигнал. Призыв.

Из-за тех же самых кустов, медленно, беззвучно ступая по снегу, вышел другой. Больше. Намного больше. Это был матерый вожак, седой на морде, с желтыми, умными и абсолютно бесстрастными глазами. Его взгляд скользнул по растерявшимся стражникам, по Эйвинду, застывшему с полудостатым мечом, и остановился на Фрее. На самой маленькой, самой беззащитной с его точки зрения добыче.

Он обнажил клыки в беззвучном рыке. Мышцы на его плечах напряглись для прыжка.

Фрея обернулась, следуя взгляду Грейта. И увидела его. Хищника, готовящегося к атаке. Вся кровь отхлынула от ее лица.

Грейт не видел страха на ее лице. Он видел цель. И врага. Его руки были пусты. Топор лежал в десяти шагах, там, куда он его бросил.

Он оглянулся. У его ног валялось одно из только что срубленных поленьев. Дубовое, тяжелое, с сучком, как дубина.

Грейт наклонился. Его движения были плавными, несуетливыми. Он поднял полено. Взял его обеими сцепленными руками, как двуручную дубину. Цепи между его запястьями звякнули.

Он сделал шаг вперед, ставя себя между Фреей и приближающимся волком.

В его глазах не было ни страха, ни ярости. Было холодное, ясное понимание. Охота началась.

Дорогие читатели! Рада представить вам ещё одну участницу нашего Боевого Литмоба! Николь Фенникс и ее “Опальная Королева для Генерала Дракона”

<https://litnet.com/shrt/Q-fq>

Глава 6.

Секунда длилась вечность. Желтые глаза волка и зеленые глаза человека замерли в немом поединке. Потом Грейт сделал то, чего не ожидал никто. Он пригнулся, напряг грудь и издал низкий, хриплый рык, вырвавшийся из самой глубины горла. Звук был не человеческий — грубый, угрожающий, полный первобытной злобы. Подражание было настолько точным, что огромный волк на миг замер, отбросив голову назад.

— Фрея! — закричал Эйвинд, наконец придя в себя, и выхватил свой меч. — На коня! Скачи домой, сейчас же!

Он смотрел на сестру, а не на волка. Но Фрея не двигалась. Ее взгляд метался от брата к Грейту, который, держа полено, медленно отступал в сторону, отвоевая внимание хищника на себя. В ее голове пронеслась простая и ясная мысль: если волки сейчас разорвут этого человека, её последняя надежда исчезнет. На что именно — она не успевала обдумать. Но она уже не могла смотреть на горца как на вещь.

Она рванулась не к своему жеребцу, а к стражнику, который стоял ближе всех. Меч висел у него на поясе в ножнах. Она выхватила его, не спрашивая. Сталь звякнула, выйдя на холодный воздух.

— Что ты делаешь, дура! — взревел Эйвинд.

Фрея подбежала к Грейту, встала с ним рядом, держа меч двумя руками, как ее учили, но ее стойка была шаткой, дыхание сбитым.

Грейт боковым зрением увидел ее. Он не обернулся. Снова рыкнул, на этот раз уже явно на нее.

— Уходи! — прохрипел он по-норвежски, и в его голосе была не злоба, а холодное раздражение. — Мешаешь!

Он резко двинул локтем назад, ударив ее в бок. Удар был не сильным, но неожиданным и точным. Фрея ахнула, потеряла равновесие и шлепнулась в глубокий снег. Меч выпал из ее рук.

И в этот момент волк атаковал.

Он был быстр, как серая молния. Его прыжок был рассчитан на человека с поленом — на Грейта. Но Грейт уже отпрыгнул в сторону, увлекая зверя за собой.

Раздался резкий свист и глухой удар.

Волк в полете дернулся и рухнул на бок, в двух шагах от Грейта. Из его шеи торчала толстая стрела с оперением. Он хрипло завыл, дергаясь, пытаясь встать, но силы быстро покидали его.

Все обернулись. Эйвинд стоял с мощным охотничьим луком в руках. Тетива еще дрожала. Лицо его было бледным, но руки — твердыми. Он был сыном лорда и хорошим охотником.

— Свяжите этого идиота! — крикнул Эйвинд, кивая на Грейта. Он дышал тяжело. — И поднимите мою сестру.

Стражники бросились выполнять приказ. Двое схватили Грейта за руки. Он не сопротивлялся. Он смотрел на умирающего волка. В его желтых глазах гас свет, и в последнем взгляде, брошенном в сторону чаши, было не страх, а какая-то иная, непонятная тоска.

Эйвинд сунул лук обратно в чехол у седла. Он подошел к Грейту, который стоял, сдерживаемый стражниками. Эйвинд взялся за цепь и грубо дернул на себя, так что их лица оказались в сантиметрах друг от друга.

— Слушай сюда, шотландский пес, — прошипел Эйвинд тихо, так, чтобы не слышала Фрея, которую поднимали с земли. — Ты сносно понимаешь наш язык. И даже говоришь. Не так ли? Моя сестренка оказалась хорошей преподавательницей. Очень хорошей.

Он ухмыльнулся, и в его улыбке было что-то грязное, понимающее.

Фрея, отряхивая снег, слышала последние слова. Ледяная волна страха прокатилась по ее спине. Ее маленький, опасный секрет был раскрыт. Брат все унал. Он понял, что Грейт учился не просто командам, а языку. И значит, они могли говорить. Обсуждать что угодно.

— Отведите его обратно, — приказал Эйвинд стражникам, оттолкнув Грейта. — И убедитесь, что он хорошо запомнит сегодняшний урок.

Стражники повели Грейта прочь. Он шел, не оглядываясь, но в последний момент, перед тем как скрыться за деревьями, он бросил быстрый, цепкий взгляд в сторону густой чащи, откуда вышли волки. Однако его лицо ничего не выражало.

Когда отряд скрылся, на поляне остались только Фрея, ее гнедой жеребец и двое стражников. Эти двое были другими. Не из личной дружины Эйвинда. Один был молод и молчалив. Второй — мужчина лет пятидесяти, с лицом, изрытым старыми шрамами, и спокойными серыми глазами. Его звали Хальвдан. Когда-то, много зим назад, он тоже был пленником, взятым в набеге на восточные земли. Он выжил, заслужил уважение, а позже учил маленькую Фрею держаться в седле и бросать нож. Он был для нее не слугой, а чем-то вроде сурового, молчаливого дядьки.

— Леди Фрея, тебе следует вернуться, — сказал Хальвдан. Его голос был низким и хриплым, как скрип старого дерева.

— Сначала туда, — сказала Фрея, указывая в чащу, в ту самую сторону, куда смотрел Грейт. Ее голос дрожал, но не от страха. От чего-то другого.

— Леди, там может быть еще...

— Туда, Хальвдан, — перебила она его. Она подняла с земли свой меч и вложила его в ножны. Ее движения были резкими.

Они вошли под сень сосен. Снег здесь лежал неровно, примятый недавней беготней. Через несколько десятков шагов они нашли ее. Волчицу. Она лежала на боку у корней огромной ели, в небольшом углублении, скрытом валежником. Это было логово. Раненая волчица поползла сюда умирать.

Рядом с ее телом, зарывшись в ее еще теплый бок, копошился один-единственный волчонок. Он был маленьким, слепым еще, вероятно, и почти полностью белым, как первый снег. Он тыкался мордочкой в теплую шерсть матери, тихо и жалобно поскуливая.

Хальвдан подошел, посмотрел на волчицу. На ее лбу зияла страшная рана — от удара топором. Она была мертва.

Потом его взгляд упал на волчонка. Старый воин беззвучно вздохнул. Он вытащил свой короткий боевой нож.

— Не надо, — тихо сказала Фрея.

Хальвдан замер. Он посмотрел на нее.

— Он не выживет один, леди. Это милосердие.

— Я знаю, — ответила Фрея. Она подошла и опустилась на колени в снег рядом с волчицей. Она не боялась. Мертвый зверь был только тенью того, что напало на них. Она смотрела на белый комочек, который все еще искал молоко у холодного бока. — Но его смерть будет на моей совести. Его мать погибла из-за меня. Из-за нас.

Она протянула руку. Волчонок почувствовал тепло и движение. Он перестал скулить, неуверенно повернул голову в ее сторону.

— Мы пришли в их дом, — продолжала Фрея, говоря больше для себя, чем для Хальвдана. — Мы взяли то, что не наше. И она защищала. Своего детеныша. Свою землю. Как любой... как любой нормальный зверь. И мы ее убили. За то, что она была хорошей матерью.

Она осторожно взяла волчонка в руки. Он был легким, теплым и дрожащим. Он запищал, но не пытался укунить. Она прижала его к груди, под складками плаща.

— Добро возвращается, Хальвдан, — сказала она, поднимаясь. Ее голос окреп. — И зло тоже. Мы причинили зло. Я заберу его. И выкормлю. А потом... — она посмотрела на старого

воина, и в ее глазах загорелся тот самый холодный огонь, который он иногда видел в глазах ее отца, — потом он вырастет. И если кто-то посмеет обращаться со мной так, как обращались сегодня с тем пленником... он найдет их. И загрызет. Не как дикий зверь. Как мое оружие. В благодарность за свое спасение.

Хальвдан молча смотрел на нее. Потом медленно убрал нож в ножны. Он не улыбнулся. Но в его глазах мелькнуло что-то вроде усталого одобрения.

— Как прикажешь, леди.

В старой кузнице было холодно. Грейта втолкнули внутрь, и он упал на колени на жесткую, заплесневевшую солому. Дверь закрылась. Замок щелкнул.

Но перевести дух ему не дали.

Он слышал шаги. Не один человек. Трое.

Они вошли без слов. Это были те самые воины Эйвинда, что смеялись над ним утром. Теперь они не смеялись. В руках у них были не мечи, а короткие, гибкие прутья, похожие на утолщенные хлысты.

Первый удар пришелся ему по спине. Острая, жгучая боль обожгла кожу даже через рубаху.

Второй удар. Грейт сдавленно крикнул, согнувшись.

Они били его методично, молча. Без криков, без оскорблений. Это была не горячая расправа, а холодное, дисциплинированное наказание. Удары сыпались на спину, на плечи, на бедра. Они не били по голове — видимо, был приказ не калечить насмерть.

Грейт сжался в комок, подставляя под удары наименее уязвимые места. Он не кричал. Он стиснул зубы так, что казалось, они вот-вот раскрошатся. Каждый удар отзывался во всем теле. Дыхание стало хриплым, прерывистым.

И сквозь боль, сквозь ярость, в его голове проросла странная, искаженная усмешка. Он даже не осознавал, что его губы растянулись в гримасе. Он усмехался. Потому что это было до абсурда смешно. Эти люди, эти изнеженные, сытые северяне в своих теплых домах, били его за то, что он убил волка. Зверя, который был в тысячу раз благороднее их.

Волк защищал свою семью. Свою землю. Своих детенышей. Он напал, потому что они пришли в его дом и представляли угрозу. Это была чистая, простая логика выживания. А эти люди... они били его для потехи. Из злобы. Из желания утвердить свою власть. Они убивали друг друга в бессмысленных набегах, продавали своих дочерей, как скот, истязали пленников. И считали себя выше зверей?

Хуже. Они были хуже животных. Животное убивает, чтобы есть или защищаться. Эти убивали и мучили просто потому, что могли.

Боль стала далекой. Мысли текли четко, ледяным потоком ненависти. Он ненавидел их всех. Эйвинда с его плетью. Эгих троих с их прутьями. Лорда Ярна, торгующего дочерью. Даже ее. Эту избалованную дочь лорда с ее высокомерными глазами. Из-за нее, из-за ее игры в спасение, ему пришлось убить живое существо, которое сегодня было хоть в чем-то право. Он убил мать, защищавшую своего детеныша. Ради чего? Ради того, чтобы эта девчонка не пострадала от клыков зверя?

Он ненавидел ее в этот миг почти так же сильно, как и остальных. Почти.

Потом удары прекратились. Он слышал тяжелое дыхание — свое и их. Кто-то сплюнул.

— Думаю, достаточно, — проговорил один из них, тот, что с облупившимся носом. — Он запомнит.

Они ушли. Дверь снова закрылась. Замок щелкнул.

Грейт лежал неподвижно. Каждая мышца горела огнем. Дышать было больно. Но в его голове, в самой ее глубине, где жила истинная, дикая его сущность, зрело холодное, неоспоримое решение.

Если бы у него был выбор, он бы убил их всех. Эйвинда. Этих троих. Даже ее, возможно. Без раздумий. Без сожаления. Как он убил волчицу — быстро, эффективно, потому что она была угрозой.

Но сейчас выбора не было. Была только боль. И ненависть. И эта ненависть была теперь единственным, что не давало ему развалиться на части. Он был Волком. А волк, даже загнанный в капкан, никогда не сдается. Он ждет своего часа. Лижет раны. И помнит. Помнит каждого.

Дорогие читатели! Рада представить вам ещё одну участницу нашего Боевого Литмоба!

Ольга Росса и ее “Веря. Пламя дракона”

<https://litnet.com/shrt/bHFy>

Глава 7.

Почти под самый вечер, дверь в старую кузню тихо скрипнула, впуская ледяную полосу света и два силуэта. Грейт не пошевелился, лежа лицом в соломе. Боль была теперь далекой, глухой тяжестью, но каждая мышца горела памятью об ударах.

— Встань.

Голос Фреи прозвучал твёрдо, без обычной высокомерности. Почти ровно.

Грейт медленно, с тихим стоном, поднялся на локти, потом сел, прислонившись спиной к холодной стене. Он не стал вставать. Пусть видит, во что они его превратили.

Рядом с Фреей стоял старый слуга этой заносчивой леди. В его руках была деревянная шкатулка и сверток из грубой ткани.

— Разденься, — приказала Фрея, кивнув на его рваную, пропитанную кровью рубаху.

Грейт лишь хрипло усмехнулся, и в этом звуке была вся накопившаяся горечь.

— Новое развлечение, леди? Хотите полюбоваться на работу людей своего братца?

— Я хочу обработать раны. Разденься.

— Иди в Хелль. И брата своего прихвати. Да что уж там... Всю свою семейку заодно. - усмехнулся Грейт, разглядывая лицо Фреи.

В кузнице повисла тишина. Но не надолго. Девушка, не меняясь в лице, повернулась к слуге и приказала.

— Помоги ему.

Старый воин шагнул вперёд, его лицо было бесстрастным. Но Грейт уже поднялся на ноги самостоятельно. Медленно, преодолевая скованность в теле. Он не позволит, чтобы его раздевали, как тряпичную куклу.

— Не трогай, — проскрипел он. — Сам.

Его пальцы, замерзшие и непослушные, с трудом развязали шнуровку на груди. Он стянул грязную рубаху через голову, стиснув зубы от боли в растянутых мышцах, и швырнул её в угол.

В тусклом свете факела, который держал слуга, его тело предстало как карта былых сражений и сегодняшнего наказания. Старые, побелевшие шрамы — следы клинков и зубов — пересекали спину, плечи, рёбра. Поверх них, багрово-лиловыми полосами, горели свежие кровоподтёки от прутьев. Кожа на лопатках треснула до крови.

Фрея сделала едва заметный вдох. Она видела шрамы и раньше, мельком. Но так, в полной мере — никогда. Это было тело, которое жило в бою. И которое сейчас изувечили в назидание.

Она покраснела — не от стыда, а от ярости. Ярости на брата, на эту жестокость, на всю эту гнусную игру. Но не опустила глаз. Она подошла, взяла из шкатулки губку, миску с водой и кожаную флягу с густым, дурно пахнущим бальзамом из желтокорня и смолы.

— Это будет жечь, — предупредила она, опуская губку в воду.

— Пусть, — буркнул Грейт, уставившись в стену перед собой.

Она начала смывать запекшуюся кровь и грязь. Её прикосновения были удивительно аккуратными, почти нежными. Губка скользила по разбитой коже, вода розовела. Грейт не дрогнул. Даже когда она нанесла бальзам на самые глубокие ссадины, он лишь чуть сильнее напрягся.

— Почему тебе не больно? — вырвалось у Фреи. Она не могла понять его ледяного спокойствия.

Грейт медленно повернул голову, и его зелёные глаза, полные мрачной усмешки, встретились с её синими.

— Мне не больно. Никогда.

Она замерла с баночкой бальзама в руке.

— Что? Разве такое возможно?

— Шаман моего клана, — проговорил Грейт, и его голос стал недовольным. — Когда я был ребёнком и сломал руку, завывал от боли дни напролет. Он нашептал над костями, натёр травами. Сказал, что теперь боль тела обойдёт меня стороной. Дар. Благословение.

Он горько усмехнулся.

— Если бы я встретил того старика сейчас, я бы вздёрнул его на первом же суку за его «благословение». Боль тела — ничто. Она проходит. А вот боль души... — он умолк, и его взгляд снова стал отстранённым, устремлённым куда-то в прошлое. — Её ничем не заглушить. Она съедает изнутри. И не крикнешь. И не поёжишься. Просто живёшь с ней. Каждый день.

Фрея слушала, и её пальцы, перевязывающие его рёбра чистой тканью, вдруг дрогнули. Она поняла. За каждой насмешкой, за каждой вспышкой ярости этого человека скрывалась пропасть. Трагедия, о которой он никогда не расскажет.

Грейт заметил эту дрожь. Его усмешка стала колючей.

— Почему дочь лорда сама возится с рабом? Где служанки? Или они слишком брезгливы в отличии от тебя?

Фрея закончила завязывать узел и отступила на шаг, вытирая руки о ткань.

— Ни одна служанка в Холдгарде не переступит этот порог добровольно. Все боятся тебя. Дикий шотландский волк в цепях. — Она посмотрела на него прямо. — А я не боюсь.

— Слишком самонадеянно, леди. Тебе бы бояться в первую очередь. — проскрипел он.

— Не думаю, — парировала она, и в уголке её рта дрогнула тень улыбки. — Я ведь догадываюсь, почему ты такой сговорчивый. И зачем тренируешь меня по ночам. Тебе что-то нужно. Возможно, то же, что и мне.

Грейт на мгновение оторопел, но тут же натянул на лицо маску безразличия.

— Выдумки скучающей лордовской дочки. Мне просто холодно сидеть в этой конуре. Бой с тобой — лучший способ согреться.

— Как скажешь, — пожала плечами Фрея, но хитрый огонёк в её глазах не погас. Она наклонилась, взяла со скамьи сверток и бросила его Грейту. — Зима вступает в права. Мой отец решил, что ценный «подарок» ярлу Драго не должен околевать здесь. Тебя переводят в общий барак с другими рабами. Там хоть печка есть.

Грейт поймал свёрток. Внутри была поношенная, но чистая и крепкая шерстяная рубаха, такие же штаны и толстая, стёганая накидка из овчины.

— Переодевайся и иди за Хальвданом, — сказала Фрея, поворачиваясь к двери. — Он отведёт тебя.

Она вышла, не оглянувшись. Хальвдан остался, его седая борода скрывала выражение лица. Он молча кивнул на одежду, потом на дверь.

Грейт, стиснув зубы, поднялся. Каждое движение отзывалось болью, которую он не чувствовал, но чьё эхо он хорошо помнил. Он сбросил остатки старой одежды и стал натягивать новую. Ткань была грубой, но сухой и целой. Тепло от овчины начало постепенно прогонять внутренний холод.

Он посмотрел на старика.

— Веди, — коротко бросил он, и в его голосе не было ни покорности, ни благодарности. Будто это он решает тут. Даже в такой ситуации.

Хальвдан развернулся и вышел. Грейт, закутавшись в накидку, сделал шаг из старой кузницы. Встретиться с другим рабом означало получить возможность найти союзников. Волк, пусть и в ошейнике, менял логово. Чтобы выжить. Чтобы дожидаться своего часа.

Дорогие читатели! Рада представить вам ещё одну участницу нашего Боевого Литмоба!

Эми Эванс “Уроки выживания для благородной леди”
<https://litnet.com/shrt/N1M8>

Глава 8.

Рабский барак представлял собой длинное, низкое строение из грубых бревен, почти вросшее в склон холма за кузницами. Воздух внутри был спертый и густым от запаха немытых тел, влажной земли и гнилой соломы. Посередине, в жаровне, тлела жалкая кучка углей, дающая больше дыма, чем тепла. Света почти не было, лишь тусклые блики от огонька дрожали на влажных стенах.

Грейт сел на у дальней стены, где дуло меньше всего. Ему выдали вечернюю пайку — толстый ломоть черного, липкого хлеба и чашку мутной баланды с плавающими желтыми прожилками жира. Грейт усмехнулся. Оказывается, северная леди кормила его не в пример лучше, чем Эйвинд остальных работников каменоломен.

Он ел медленно, отламывая небольшие куски. Цепи на его руках и ногах лежали на полу тяжелым холодным грузом. Грейт ел, но изредка бросал взгляды на других пленников, что притихли при его появлении в бараке.

Этих пятерых он приметил сразу. Нордманны, вероятно попавшие в рабство за долги или мелкие преступления. Они сбились в кучку у входа и смотрели на него. Шептались. Их глаза блестели в полумраке голодным, злым блеском. Грейт чувствовал их взгляды и не опускал глаз. Он знал, что происходит. Он получил ту же пайку, что и они, но провизии в Холдгарде не хватало, и порции урезали. А он — «любимчик» дочери лорда, тот, кого не гоняют в каменоломни, с кем занимаются отдельно. В их глазах он был чужаком, отнимающим крохи у честных работников.

Грейт усмехнулся. Рассматривая мужчин, он мысленно решал, кто же из них главный. Зачинщиком стал рослый рыжеволосый детина по имени Херьюльф. Видать, что был военным прежде, но, кажется, попал в немилость. Его лицо было обезображено шрамом от ожога, идущим от виска к подбородку. Он первый оторвался от стены и двинулся через барак, растолкав по пути пару других невольников. За ним, как тени, поплыли остальные четверо.

Грейт перестал жевать. Он не поднял головы, но все его тело, сидевшее до этого расслабленно, мгновенно подобралось. Он видел их босые, грязные ноги, остановившиеся перед ним.

— Делиться надо, шотландец, — прохрипел Херьюльф. Его голос звучал хрипло, будто простуженным. — У тебя тут... лишнее.

Грейт медленно поднял глаза. Он молчал.

— Хлеб, — сказал один из стоящих сзади, тощий, с лихорадочным блеском в глазах. — Отдай хлеб. Баланду оставь себе.

Они окружили его, отрезая путь, пожелай он сбежать. Только этим пятерым было не понять... Бежать Грейт не собирался.

Запах от них — немытого тела, страха и злости — ударил в нос. Грейт медленно, не торопясь, положил недоеденный кусок хлеба себе на колено. Потом поставил чашку с баландой на землю рядом.

— Сам отдашь, или мы поможем? — Херьюльф сделал шаг вперед, его огромная ладонь потянулась к хлебу.

Грейт двинулся.

Это не было отчаянной попыткой отбиться. Это был точный, молниеносный расчет. Он не стал вскакивать — с цепями на ногах это было глупо. Он рванулся вперед, как змея, всем корпусом. Его сцепленные руки, вместо того чтобы защищаться, стали оружием.

Он не бил кулаком. Он пропустил протянутую руку Херьюльфа мимо себя, рванулся еще ближе и нанес удар ребром сцепленных ладоней по локтю нордманна. Удар был коротким, резким и страшной силы. Раздался хруст, который был слышен даже в дальнем углу барака.

Херьюльф взвыл. Не крикнул — именно взвыл, высоко и пронзительно, как подстреленный зверь. Его рука неестественно выгнулась, пальцы разжались. Он закатил глаза и пошатнулся.

Грейт не остановился. Он уже развернулся к остальным. Его лицо при этом было совершенно спокойным. В его зеленых глазах не было ни ярости, ни страха. Было холодное, безжалостное понимание: сейчас или никогда. Нужно было не отбиться, а сломать их волю. Сделать так, чтобы мысль о его пайке вызывала не голод, а животный ужас.

Тощий мужчина с лихорадочными глазами кинулся на него сбоку. Грейт встретил его ударом головой в лицо. Хрустнул нос. Тот отлетел назад, хватаясь за поврежденный нос.

Остальные трое замерли. Их нахрап, их пыл к расправе испарился, столкнувшись с этой беззвучной, хищной жестокостью. Они видели, как их лидер, самый сильный из них, сидит на грязном полу, зажимая руку, с которой уже начала распухать. Видели кровь на лице товарища.

Грейт выпрямился. Он обвел взглядом троих оставшихся. Медленно. И молча.

Один из них, самый молодой, не выдержал этого взгляда. Он отступил на шаг, потом на второй, и, споткнувшись, побежал прочь, к своему месту. Двое других последовали за ним, стараясь не поворачиваться спиной.

Шум в бараке стих. Все замерли, боясь привлечь к себе внимание. Только хриплые, сдавленные стоны Херьюльфа нарушали тишину. Он отполз к стене подальше. Едва сдерживая стон, нормандец скрипел зубами от боли.

Грейт посмотрел на него внимательнее. Злость отступила, и на смену холодной ярости пришло что-то другое. Он видел не врага. Он видел сломанного человека. Животное в капкане. Такого же пленника, как и он сам. Просто более голодного, более отчаявшегося и менее удачливого.

Херьюльф поднял на него глаза. В них уже не было угрозы. Только страх. Не не страх, что все увидели его позор. Нет. А то, что с такой рукой он не выживет. Не протянет и недели на тяжелых работах.

Грейт посидел еще мгновение. Потом он наклонился. Поднял с колена тот самый ломоть хлеба, из-за которого все началось. Хлеб был уже мятый, испачканный в грязи с пола.

Он поднялся и подошел к Херьюльфу. Тот не отпрянул, не зажмурился. Он посмотрел Грейту в глаза. Прямо и не мигая. Ожидая удара.

Но удара не последовало.

Грейт протянул руку и просто положил краюху хлеба на колено нордманна. Он не сказал ни слова. Не кивнул. Он просто развернулся и пошел назад к своему месту у стены, волоча за собой цепи.

Он сел, подобрал свою чашку с баландой. Она была уже почти холодной. Он стал пить медленно, маленькими глотками, глядя в пустоту перед собой. Хлеба то у него больше не было.

В бараке воцарилась мертвая тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием и приглушенными стонами. Все понимали, что только что увидели. Жестокость, которая была страшнее любой драки. И милость, которая была непонятнее любой жестокости.

Грейт допил баланду и поставил чашку. Он утер губы тыльной стороной руки, лег на бок на жесткую солому, повернувшись лицом к стене и оставляя спину незащищенной. Но это его уже не волновало. Он знал, что ничего с ним не приключится этой ночью.

Он закрыл глаза, отсекая внешний мир. Внутри было пусто и тихо. Он сделал то, что должен был сделать. И то, что считал нужным. Больше не о чем было думать.

Глава 9.

Снег на дворе превратился в серую, утоптанную кашу. В главном зале Холдгарда стоял гул – грузчики таскали сундуки с будущим приданым, служанки спешно выметали зимнюю грязь, принесенную на сапогах и ругали собравшихся в общем зале воинов.

Но вся эта суэта не трогала Фрею. Она словно в ледяную статую превратилась. И тонкий, настойчивый голос портнихи она слышала будто сквозь толщу воды.

— Стоять смиренно, госпожа, это хорошо. Но ещё лучше будет, если вы будете поворачиваться, когда я вас прошу. Еще чуть-чуть. Здесь нужно подколоть. И тут...

Фрея стояла на низком стуле посреди своих покоев, как столб на площади. Руки ныли от неудобного положения. Тело затекло. Возможно, ей действительно стоило покрутиться и тогда онемение бы прошло. Но ей совершенно не хотелось облегчать задачу портнихе.

На ней висело свадебное платье – не одежда, а архитектурное сооружение из плотного белого бархата, расшитого серебряными нитями. Вес давил на плечи. Подкладка из атласа неприятно тепла нежную кожу. Шлейф, который ей должны были нести две служанки, лежал на полу скорбной лужей. Промокод - **AVTOR10**

Портниха от ярла Драго, женщина с булавочным щетиной во рту, присела на корточки, подшивая подол.

— Ярл Драго любит пышность, – проворчала няня Астрид, обходя Фрею кругом, с холодным, деловым взглядом оглядывая работу портнихи. – Это впечатлит его людей. Покажет его богатство.

Фрея не смотрела на платье, она смотрела в узкое окно. Она чувствовала, как тяжелая ткань сковывает каждое движение. Как высокий, тугой воротник трет шею. Если упасть в этом – не подняться. Если побежать – запутаться и сломать ногу.

— Это не платье, это мой саван, – буркнул а она тихо. Но ее услышали.

Астрид резко остановилась. Портниха замерла.

— Что ты сказала, дитя?

— Ничего, няня. Просто мне душно. Я хочу на воздух.

— Потерпи. Скоро всё будет кончено. А там уж и свадьба. Через две недели приедет ярл Драго. К тому времени и платье будет сшито.

В голове Фреи прозвучал хриплый голос отца: «Моё слово – закон». Живот стянуло узлом, будто от удара. Она закрыла глаза, стараясь дышать ровно. Скоро её погребут заживо в этом саване в покоях старого ворона. Навсегда.

Ночь была черной и беззвездной. Воздух обжигал легкие.

Фрея шла через задний двор, кутаясь в простой серый плащ поверх мужской туники и штанов. Из барака для слуг струился слабый свет. Стражник у двери, Бьорн, кивнул ей, потирая замерзшие руки. Она сунула ему в ладонь тёплую монету.

«Полчаса, госпожа. Больше нельзя».

Он отпер тяжелый засов. Дверь скрипнула.

Внутри пахло холодным металлом, потом и влажной соломой. Грейт сидел на грубой лежанке, прислонившись к каменной стене. На ногах – толстые кандалы, цепь от которых уходила в железное кольцо, вбитое в пол. При её появлении он не пошевелился. Только его глаза, зеленые и внимательные, встретились с её взглядом.

Фрея бросила на солому сверток. Оттуда выпали два деревянных тренировочных меча с затупленными краями.

— Вставай, – сказала она коротко.

Он медленно поднялся. Цепи звякнули. Он взял меч, проверяя вес, крутанул в пальцах.

Они не говорили о предстоящем пире. Не говорили о Драго. Они вышел на середину двора и быстрым справились к восточной стене, что служила тренировочной площадкой для воинов лорда Ярна. Фрея быстро сунула ещё по одной монете стражникам и те, зевая, отвернулись в другую сторону. А Фрея кивнула своим слугам и вышла в центр утоптанной площадки. Грейт хмыкнул, глядя на то, как стражники, получив по монете закрывают глаза на то, чем их госпожа занимается по ночам, принял стойку. Девушка встала напротив.

Первый удар был за ней. Резкий, сверху вниз. Он парировал почти лениво, одним движением запястья. Дерево стукнулось о дерево с глухим щелчком.

— Слабее, – хрипло сказал он. – Толкаешь, а не бьешь. Рука как плеть.

Она стиснула зубы, атаковала снова. Удар в бок. Он блокировал, и сразу же его клинок уткнулся ей в ребра.

— Мертва, – констатировал он.

Фрея отшатнулась, дыша часто. От злости, от бессилия. Она сбросила плащ на солому.

— Так покажи как надо.

Он показал. Медленно, преувеличенно. Не мощный замах от плеча, а короткий, резкий выброс от локтя. Удар, который идет не от мускулов, а от скорости. Он использовал вес своего тела как пружину, слегка разворачивая бедра.

— Ты не мужчина. Твое оружие – быстрота, а не груды мяса. Покажи еще раз.

Она повторила. Сначала неуклюже. Потом еще раз. И еще. Деревянные клинки стучали в ритм их тяжелому дыханию. Она сосредоточилась на каждом его замечании, выловленном из коротких, рубленых фраз. На каждом жесте. Он объяснял движением руки, наклоном головы, взглядом, куда смотреть.

Она уловила рисунок боя. Не сила против силы, а уворот, скорость, точный укол в незащищенное место.

В какой-то момент она, пропустив удар, потеряла равновесие и упала на колени. Снег взметнулся вокруг. Боль пронзила ее ногу. Она замерла, сжимая рукоять меча, готовая закричать от ярости.

Но к ее удивлению, Грейт не засмеялся. Не сказал ничего обидного. Брат бы не упустил возможности отпустить колкость. А Грейт просто стоял и смотрел. Его лицо в полумраке было спокойным. Потом он опустил свой клинок и протянул ей руку.

Она посмотрела на эту руку. Широкая ладонь, покрытая старыми шрамами и свежими ссадинами. Рука раба. Рука врага. Она взяла ее. Его хватка была твердой и сильной. Он потянул, поднял ее на ноги легко, будто она невесомая, и сразу же отпустил.

— Центр тяжести, – напомнил он хрипло. – Не в груди. Здесь. — Он ткнул пальцем себе чуть ниже живота.

Она кивнула, не в силах вымолвить слова. Не из-за усталости. А потому что этот простой жест – помощь встать – сломал что-то в ее представлении о нем. И, кажется, в его представлении о ней.

Она была дочерью его тюремщика, облаченной в роскошь. Но сейчас она была просто человеком в грязной рубахе, падающим на солому от бессилия. Как и он.

Он поднял её плащ, стряхнул солому и протянул.

— Спасибо, – выдавила она.

Он молча кивнул, отходя назад.

Негромкий окрик стражника, заставил этих двоих опомниться.

— Пора, госпожа. Время вышло. — сообщил обеспокоенный Бьярни.

Фрея кивнула слуге. Тот жестом указал Грейту на барак. Он снова был пленником. Она – госпожой, у которой оставалось совсем немного времени, чтобы решиться на самый отчаянный шаг в своей жизни.

Фрея накинула плащ и пошла к дому, не оглядываясь. Морозный воздух обжигал щеки.

— Всё в порядке, госпожа? - с тревогой поинтересовался Хальвдан, следовавший за своей молодой хозяйкой.

— Всё в порядке, – сказала она, и голос не дрогнул.

Она шла через двор, и каждое движение теперь отзывалось в теле знакомой, приятной болью тренированных мышц. Отчаяние никуда не делось. Оно давило тяжелым, холодным комом под ребрами. Но поверх него появилось что-то новое. Хрупкое, как первый лед. Чувство, что в этой каменной ловушке мира она не совсем одна. Что есть кто-то, кто видит её не приданым, не пешкой, а просто девушкой, которая плохо держит удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.